

Книга действительно вызвала самые противоречивые суждения среди современников. Так, И. Ясинский на полном серьезе спрашивал, что же это за русские религиозные секты, члены которых употребляют в пищу человеческую кровь. В. Бонч-Бруевич обвинил автора в клевете на сектантов, а саму книгу охарактеризовал, как «чувственный бред сумасшедшего». Л. Войтоловский назвал роман «кликушеством», Д. Философов писал о «сплошной клевете на русский народ и его религиозные искания». В. Львов-Рогачевский, отметив «местами изумительно богатый язык» и «изумительно смелые образы», тем не менее, писал, что роман представляет собой «возмутительное кощунство над жизнью народа».*

К «полударовитым» людям, отравленным литературным «модернизмом», отнес П. И. Карпова А. Иванов-Разумник. «Читал я роман «Пламень» П. И. Карпова и думал: вот если бы перевести его на французский или немецкий язык! Какие бы горизонты открыл роман среднему европейцу, который до сих пор верит в русскую «развесистую клюкву» или в салат Оливье из сальных свечей! Европейец немедленно уверовал бы в ту Россию, которую рисует Карпов, этот «крестьянин-хлебороб», как он сам себя величает ». И далее А. Иванов-Разумник с иронией восклицает: «Русский читатель лишен возможности отнестись к роману Карпова с такой наивной доверчивостью: пусть мы скептики, но все же человеческую кровь не лакаем...» И все же, считая роман «жертвой вечерней» русской литературы, он отметил, что есть у П. И. Карпова что-то свое, «подлинно народное», есть у него «меткие слова, не подслушанные, а из глубины народной идущие, есть и переживания, в глубине народной живущие».

Наиболее проникательно оценил роман «Пламень» А. Блок. В отзыве на роман он писал: «Рады мы или не рады, но нам придется из «Пламени» кое-что запомнить о России. Пусть это приложится к «познанию России», лишний раз испугаемся, вспоминая, что наш бунт, так же, как был, может опять быть «бессмысленным и беспощадным» (Пушкин), что были в России «кровь, топор и красный петух», а теперь стала «книга»; а потом опять будет кровь, топор и красный петух. Но не все можно предугадать и предусмотреть. Кровь и огонь могут заговорить, когда их никто не ждет. Есть Россия, которая, вырвавшись из одной революции, жадно смотрит в глаза другой, может быть, еще более страшной».

Одновременно П. Карпов принимал участие в работе революционных кружков социалистов-революционеров Петрограда. Во время военной службы в первом запасном пехотном полку проводил агитационную работу среди солдат, организовал революционную ячейку. Его полк в числе первых восстал против существующего строя. После Февральской революции Карпов возвратился в родной Рыльский уезд. Занимался революционной деятельностью. Его избрали в волостной, затем уездный исполнительный комитет Совета крестьянских депутатов. Баллотировался он и в депутаты Учредительного собрания от партии социалистов-революционеров по Рыльскому уезду. К сожалению, не набрал нужного количества голосов.

Постепенно осуществляются и разнообразные творческие планы: изданы поэтические сборники «Звезды» и «Русский ковчег», книги рассказов Трубный голос» и «Погоня за радостью», пьесы «Богобес» и «Три зари». Но уже к концу двадцатых годов тучи над Карповым сгущаются. Краткая литературная энциклопедия (1931) занесла писателя в черный список «художников» патриархально-